

¹⁹ См.: Постановление главы администрации Краснодарского края от 21.05.2003 № 464 «Об образовании Общественной молодежной палаты при главе администрации Краснодарского края» // Кубанские новости. – 2003. – № 91.

²⁰ См.: Выступление Путина В.В. на расширенном заседании Правительства РФ 13 сентября 2004 г. (полный текст) // Российская газета. – 2004. – 14 сентября.

²¹ Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. – М., 2000. – С. 19.

Ростова Мария Владимировна*,
*ассистент кафедры конституционного и муниципального права
ФГБОУ ВО «Приокский государственный университет»
(г. Орел)*

СВОБОДА ПРЕПОДАВАНИЯ И ТВОРЧЕСТВА КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современная Россия, вопреки многовековой практике фактического отрицания свободы преподавания и творчества, закрепила на конституционном уровне (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ) так называемые «академические свободы» (в англоязычном варианте «Academic Freedom») ¹, гарантирующие самостоятельность, автономию и независимость образовательных и научных организаций, их профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и обучающихся в теоретическом осмыслении окружающего мира, исследовании научных проблем, разработке категорий, принципов, суждений и обобщений, образующих в совокупности научное знание.

М.Н. Марченко связывает академические свободы с обязанностью преподавателя вуза «заниматься научной работой, систематически обновлять свой профессиональный и интеллектуальный багаж». По мнению автора, это «аксиома, неоспоримая тысячекратно подтвержденная» многовековой практикой, а также «самой повседневной жизнедеятельностью общества, государства и права истина»: нет и не может быть высококачественного образования без высокоразвитой науки, и наоборот ². Приведенной точке зрения корреспондирует позиция Н.А. Богдановой, согласно которой цель каждой науки состоит в свободном постижении своего предмета. Это достигается «посредством особых методологических приемов познавательной деятельности в их специфическом только для данной науки сочетании. Результаты такой деятельности приобретают форму представлений и теоретических построений

---

* © Ростова М.В., 2015

различного уровня и сложности в зависимости от конкретных исследовательских задач»³. Ученые солидарны в том, что данные цели достижимы лишь при условии достаточной свободы профессионального, научного, педагогического сообщества от воздействия извне.

Наиболее точно указанная мысль сформулирована С.А. Авакьяном при определении категории «свобода». В контексте исследования конституционного феномена свободы преподавания и творчества под свободой следует понимать не столько «закрепленную в нормативном правовом акте возможность определенного поведения человека», сколько «самостоятельный выбор индивидом или организацией варианта своих образа жизни и деятельности». Свобода преподавания и творчества связана правом, моралью, обычаями и другими социальными регуляторами общественных отношений, но лишь при условии их общеобязательности (право) или «объявления обязательными» (другие системы социальных норм) ввиду их признания профессиональным, научным или педагогическим сообществом и направленности на достижение общей цели научного знания⁴.

С точки зрения В.А. Лебедева, права человека представляют собой «нормативную основу взаимодействия людей, координацию их поступков и деятельности, которая позволяет преодолевать конфликты интересов, противоречия, обеспечивая людям свободный статус»⁵. Таким образом автор, по сути, объединяет категории «права» и «свободы» в единую защищаемую конституцией ценность, при которой «права» не могут существовать без «свобод» и наоборот. Субъективное право имеет в качестве одной из целей обеспечение «свободного статуса», т.е. свободы лица, являющегося носителем субъективного права. Если признать правомерность данной позиции, то свобода преподавания и творчества одновременно является и правом определенной категории лиц на невмешательство извне в творческий преподавательский процесс (которому в конституционных правоотношениях корреспондирует обязанность другой категории лиц бездействовать, т.е. не препятствовать свободному творческому процессу в образовательной деятельности).

Подобные суждения базируются на весьма распространенном в юридической науке мнении, что субъективные права представляют собой гарантированную законом меру «свободы» или «возможности»⁶. Однако «свобода» и «возможность» – не одно и то же. Возможность, которой в правоотношении ставится в корреспонденцию субъективная обязанность другого лица, предполагает нечто большее, чем просто свободу. В анализируемом контексте «свобода» означает невмешательство, беспрепятственность, отсутствие ограничений, но не активные действия лица, обязанного законом в силу наличия субъективных прав у других лиц. В связи с этим нет достаточных оснований для утверждений, что «право на жизнь» тождественно «свободе жизни», «право на достоинство личности» – «свободе достоинства личности» и т.п. По данной причине более предпочтительной представляется точка зрения В.С. Нерсисянца, по мнению которого главное при разрешении вопросов

о «мере», «свободе» и «справедливости» в юриспруденции состоит в их «формально-правовом выражении и значении»⁷.

Нетрудно заметить, что законодатель в формально-правовом выражении позиционирует анализируемый институт именно в качестве «свободы преподавания и творчества», а не в виде субъективного права образовательных организаций, их должностных лиц и профессорско-преподавательского состава на автономию, самостоятельность или независимость. Тем самым законодатель подчеркивает основной смысл этой категории, заключающийся в неразрывной взаимосвязи «свободы творчества» и «свободы преподавания». Г.Д. Садовникова полагает, что под «свободой творчества» следует понимать право каждого самостоятельно, без постороннего вмешательства «осуществлять творческую деятельность». В свою очередь, преподавание можно рассматривать «как педагогическую творческую (курсив наш – М.Р.) деятельность по обучению и воспитанию в интересах личности, общества и государства»⁸. Следовательно, конституционный смысл свободы преподавания как творческой деятельности предполагает самостоятельность преподавания и запрет внешнего вмешательства в преподавательскую деятельность в той мере, в какой это включает в себя творчество. Иными словами, Г.Д. Садовникова истолковывает свободу преподавания и творчества в системном единстве и неразрывной связи. При такой постановке проблемы сама по себе свобода преподавания не гарантируется конституцией государства, она обеспечивается основным законом лишь в той мере, в какой преподавание имеет творческую природу.

В первые годы «перестройки» М.В. Баглай в одной из своих научных работ утверждал, что в постсоветской России требуется фундаментальное переосмысление категории «свобода» как одной из «главных ценностей жизни». По мнению ученого, свобода неразрывно связана с демократизмом в организации власти государства и гуманизмом в правосознании, чему способствуют «инициатива, предприимчивость, гласность, плюрализм мнений, свободный выбор, самоуправление и самодеятельность людей», причем свободой должно пользоваться не расплывчатое «большинство народа», а «каждый человек в отдельности»⁹. Полагаем, что это суждение сохраняет свою актуальность и в современных условиях. Применительно к исследуемой свободе преподавания и творчества оно означает, что для реализации данной свободы требуется демократизм в управлении образованием, запрет гипертрофированного коллективизма в организации образовательного процесса, гарантированные законом возможности преподавателей и педагогов в их инициативе, самоуправлении и самодеятельности.

При такой постановке вопроса категория «свобода преподавания» по юридическому смыслу понимается, с одной стороны, шире, чем «право на преподавание» (в контексте необходимости свободы в демократическом обществе как условия свободы преподавания), с другой стороны – уже (с точки зрения наличия или отсутствия активных обязанностей лиц, связанных в правоотношениях с управомоченными лицами). В связи с этим, на наш взгляд, заслужи-

вает критического осмысления предложенное С.Ю. Зайцевым определение свободы преподавания, под которой автор понимает «дозволяющее средство, обеспечивающее преподавателю беспрепятственное осуществление профессиональной деятельности, поддерживаемое юридическими обязанностями иных участников образовательных правоотношений и возможностью правовой защиты»¹⁰. По существу, С.Ю. Зайцев отождествил понятия «свободы преподавания» и «права на преподавание». Кроме того, вызывает критическую оценку толкование свободы преподавания в качестве «дозволяющего средства», восприятие этой свободы в качестве абсолютной («беспрепятственность»). Однако автор совершенно правильно, на наш взгляд, отграничивает сферу свободы преподавания «профессиональной деятельностью» педагогов, выделяя тем самым важные особенности этой свободы, в частности, по сравнению со свободой мысли и слова, правом на выражение мнения.

Нетрудно заметить, что научные позиции Г.Д. Садовниковой и С.Ю. Зайцева не совпадают в следующем: в первом случае свобода преподавания позиционировалась в неразрывной конституционно-правовой связи с творчеством и его свободой; во втором – объектом свободы преподавания называется «профессиональная деятельность», которая далеко не во всех случаях может считаться «творческой». Более того, в основном профессиональная деятельность педагогов сопряжена с реализацией установленных правом, моралью и педагогической наукой принципов, ценностей, норм и процедур, которые не всегда должны быть «творческими». Распространяет ли в подобных случаях свое действие нормативное предписание ч. 1 ст. 44 Конституции РФ?

Полагаем, что академические свободы предполагают право познавать объективную реальность, проводить научные исследования и публиковать их результаты, пропагандировать свою точку зрения и философские взгляды в границах предмета профессиональной деятельности (для профессорско-преподавательского состава и научных работников – имеющейся, для студентов и других обучающихся – будущей). Именно предмет профессиональной деятельности, на наш взгляд, представляет собой основной критерий для отграничения академических свобод от других конституционных прав и свобод человека и гражданина (особенно – от свободы выражения мнения, свободы мысли и слова, права на информацию). Профессиональная деятельность должна быть максимально защищена от произвольного и несанкционированного вмешательства со стороны некомпетентных лиц, их невежества, предубеждений и предрассудков. Субъекты академических свобод вправе стремиться к истине, в том числе – по поводу противоречивых и непопулярных взглядов и воззрений. Непрофессиональное вмешательство в профессиональную деятельность не является допустимым, в том числе – и для государства, его органов и должностных лиц.

Следует различать свободу преподавания и творчества высших учебных заведений как образовательных организаций и эту же свободу применительно к деятельности профессорско-преподавательского состава, научных

сотрудников и обучающихся. Последние есть физические лица, состоящие с образовательной организацией в трудовых, гражданско-правовых и иных отношениях. Между этими формами выражения свободы преподавания и творчества имеются многочисленные и весьма сложные взаимосвязи.

Важным компонентом академических свобод является определенная автономия, самостоятельность и независимость профессорско-преподавательского, научного состава и обучающихся от органов управления образовательной организацией и государственного вмешательства. Это не означает отказа от юрисдикции ученого совета или ректора вуза, деканов факультетов или заведующих кафедрами, тем более – суверенной государственной власти. Полномочия органов управления образованием и образовательными организациями должны определяться таким образом, чтобы не допускалось их противоправное вмешательство в академические свободы, гарантировалось конституционное право на свободу преподавания, научного творчества, реализацию образовательных программ в соответствии с государственными требованиями и стандартами.

---

¹ См.: Statement of Principles on Academic Freedom and Tenure / [Электронный ресурс]. – goo.gl/Lx748G.

² См.: Марченко М.Н. Юридическая наука и юридическое образование в современной России // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. – Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2009. – С. 15.

³ См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 7.

⁴ См.: Конституционное право. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Норма, 2001. – С. 522.

⁵ См.: Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 7.

⁶ См., например: Новак-Каляева Л.Н. Классификация прав человека в контексте функциональной взаимосвязи с государственным управлением // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – № 3. – С. 63.

⁷ См.: Нерсисянц В.С. Юриспруденция. – М.: Норма, 1999. – С. 41.

⁸ См.: Конституция Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / Под ред. Е.И.Козловой. – М.: Библиотека Российской газеты, 2009. – С. 133-134.

⁹ См.: Баглай М.В. Правовое государство: от идеи к практике // Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения. – М.: ИГП АН СССР, 1989. – С. 117.

¹⁰ См.: Зайцев С.Ю. Конституционно-правовые гарантии свободы преподавания. Автореф... канд. юрид. наук. – Белгород, 2015. – С. 12-13.